

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-208-219

Подростковое насилие над родителями как форма семейного (домашнего) насилия: вопрос расширения объекта государственно-правовой защиты личности в семье

Александр Викторович Равнюшкин

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
ravnyushkin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3604-5070

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы подросткового насилия над родителями как отдельной формы семейного (домашнего) насилия, обосновывается наличие проблемного характера этого противоправного феномена на основе анализа и обобщения результатов научных исследований российских и зарубежных ученых, включая полученные ими социологические и иные данные. Актуальность работы выражается в том, что семейное (домашнее) насилие, исходящее от несовершеннолетних, как негативное явление порождает вредные последствия, угрожающие развитию других членов семьи и в целом общества на основе высоких нравственных идеалов и крепкой семьи.

Целью работы является исследование и определение степени общественного и научного признания проблемы подросткового насилия над родителями как таковой в правовом и иных аспектах, выделение его в качестве отдельной формы семейного (домашнего) насилия, установление его особенных признаков и коррекция понятийного аппарата для включения подросткового насилия в правовой и научный оборот.

Автор применил диалектический подход к научному познанию общественных отношений, связанных с совершением актов насилия со стороны детей (подростков) в отношении родителей, метод анализа и обобщения результатов научных исследований, сравнительно-правовой метод.

Результатами исследования явились подтверждение гипотезы о существовании феномена подросткового насилия над родителями (матерью), признание его как отдельной формы семейного насилия на основе выделенных особенных признаков, выработка авторских формулировок понятий в рассматриваемой сфере, а также предложение расширенного понимания объекта государственно-правовой защиты прав личности от домашнего (семейного) насилия в зависимости от вида лиц, покушающихся на нее.

Научная новизна исследования определяется тем, что в Российской Федерации феномен совершения актов насилия со стороны несовершеннолетних (подростков) в семье не рассматривался в качестве отдельной формы домашнего (семейного) насилия. На основе полученных обобщенных результатов исследования автор представил скорректированные формулировки понятий домашнего насилия и семейно-бытового правонарушения для включения их в правовой и научный оборот, что придало работе практическую значимость.

Ключевые слова

домашнее (семейное) насилие, форма семейного насилия, подростковое насилие над родителями, объект государственно-правовой защиты, административная и иная ответственность

Для цитирования: Равнюшкин, А. В. (2023). Подростковое насилие над родителями как форма семейного (домашнего) насилия: вопрос расширения объекта государственно-правовой защиты личности в семье. *Российский девиантологический журнал*, 3 (2), 208–219. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-208-219.

Adolescent to parent violence as a form of family (domestic) violence: the issue of expanding the object of state-legal protection of the individual in the family

Aleksandr V. Ravnyushkin

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
ravnyushkin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3604-5070

Abstract

The article examines the issues of adolescent to parents violence as a separate form of family (domestic) violence, substantiates the problematic nature of this unlawful phenomenon on the basis of analysis and generalization of the results of scientific research of Russian and foreign scientists, including their sociological and other data obtained. The relevance of the work is expressed in the fact that adolescent family violence, as a negative phenomenon, leads to harmful consequences that threaten the development of other family members and society as a whole on the basis of high moral ideals and a strong family.

The aim of the work is to study and determine the degree of public and scientific recognition of the problem of adolescent to parent violence as such in legal and other aspects, to identify it as a separate form of family (domestic) violence, to establish its special features and to adjust the conceptual apparatus for its inclusion in legal and scientific circulation.

The author applied a dialectical approach to the scientific knowledge of social relations related to the acts of violence committed by children (adolescents) against parents, a method of analyzing and generalizing scientific research results, a comparative legal method.

The results of the study confirm a hypothesis that there is a phenomenon of adolescent violence against parents (mother), its recognition as a separate form of family violence based on the identified special features, the development of author's formulations of concepts in the relevant field, as well as the proposal of an expanded understanding of the object of state-legal protection of individual rights from domestic (family) violence, depending on the type of perpetrator.

The scientific novelty of the study is determined by the fact that in the Russian Federation the phenomenon of the acts of violence committed by minors (adolescents) in the family has not been considered as a separate form of domestic (family) violence. Based on the obtained generalized results of the study, the author presented the adjusted formulations of the concepts of family violence and domestic abuse to include them in the legal and scientific circulation, which gave the work practical significance.

Keywords

domestic (family) violence, form of family violence, adolescent to parent violence, object of state legal protection, administrative and other responsibility

For citation: Ravnyushkin, A. V. (2023). Adolescent to parent violence as a form of family (domestic) violence: the issue of expanding the object of state-legal protection of the individual in the family. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (2), 208–219. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-208-219.

Введение

Уровень благополучия любого общества и государства находится в прямой зависимости от уровня соблюдения прав и свобод человека и гражданина государством, с одной стороны, и добросовестного выполнения своих обязанностей граждан перед государством – с другой. Такое гармоничное развитие возможно только на основе традиционных ценностей,

к которым среди прочих относятся высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд¹.

Насилие в семье (домашнее насилие) как фактор, порождающий вредные последствия, относится к числу не теряющих своей актуальности проблем как в Российской Федерации, так и за рубежом. В большинстве государств мира приняты и действуют законы, направленные на противодействие домашнему (семейному)

¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утверждены Указом Президента № 809 от 9 ноября 2022 г.) <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

насилию, во многом основанные на положениях международных правовых актов.

В качестве лиц, страдающих от актов домашнего насилия, выступают женщины и дети. Эти лица являются первостепенными объектами государственно-правовой защиты от актов домашнего насилия, что отражено в правовых актах различного уровня (от международных до национальных).

В Преамбуле Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием отмечено: государства – члены Совета Европы и другие стороны, подписавшие Конвенцию, осознают, что домашнее насилие намного больше затрагивает женщин, однако мужчины тоже могут стать жертвами домашнего насилия, также жертвами домашнего насилия становятся дети, в том числе как свидетели насилия в семье².

Обозначенным формам домашнего (семейного) насилия, в которых жертвами являются женщины и дети, посвящено множество научных работ. Имеются исследования, в которых в качестве жертв домашнего насилия отмечаются мужчины, чаще всего преклонного возраста.

В контексте домашнего насилия наблюдается значительное или полное отсутствие в отечественной научной среде дискуссий и анализа такой формы насилия, как домашнее (семейное) насилие несовершеннолетних над родителями (преимущественно матерью). Официальные субъекты профилактики правонарушений не выделяют насилие несовершеннолетних в отношении родителей как отдельную форму насилия, соответственно, не ведут ее статистический учет. Такое непризнание порождает определенные трудности из-за различий в теоретических подходах к понятию домашнего (семейного) насилия.

Целью исследования является изучение подросткового насилия над родителями как формы домашнего (семейного) насилия в правовом и иных аспектах, мотивов совершения актов этой формы насилия, для того чтобы рассмотреть феномен домашнего насилия с новой позиции.

Это обусловило постановку следующих задач: исследовать степень общественного и научного признания проблемы подросткового насилия над родителями; выделить подростковое насилие над родителями как отдельную форму домашнего (семейного) насилия на основе ее особенных признаков; на базе полученных данных скорректировать формулировку понятий «домашнее насилие», «семейно-бытовое правонарушение»; уточнить содержание объекта семейно-бытового правонарушения как объекта государственно-правовой защиты.

Объектом исследования выступают общественные отношения, в которых совершаются акты насилия в семье, и несовершеннолетние лица в них, выступающие в качестве агрессора.

Предметом работы являются правовые нормы, регулирующие вопросы противодействия домашнему (семейному) насилию, научные работы российских и зарубежных ученых и приведенные ими результаты социологических исследований, другие данные.

Результаты исследования представляют подтверждение гипотезы о том, что существует отдельная форма семейного насилия – подростковое, совершаемое в отношении родителей, преимущественно матери, выделяемое на основе особенных признаков. Автором представлены предложения по включению в научный и правовой оборот скорректированных формулировок понятий «домашнее насилие», «семейно-бытовое правонарушение».

Обзор литературы

Авторское исследование основано на теоретических взглядах ведущих ученых. Среди отечественных специалистов, занимающихся вопросами противоправного поведения несовершеннолетних, следует выделить Г. А. Аванесова (Аванесов, 2012), Н. Ю. Волосову (Волосова, 2017), Н. И. Куликову (Куликов, 1996), Ж. Д. Дашиеву (Дашиева, 2019) и других. Исследования данных авторов посвящены или затрагивали только генезис насильственного и агрессивного поведения несовершеннолетних в целом, причем оцениваемого как обратную реакцию на агрессию взрослых членов семьи.

К числу материалов, содержание которых значимо для настоящего исследования, относятся достижения зарубежных ученых, области научного интереса которых так или иначе связаны с девиантным поведением несовершеннолетних, в том числе тех, чьи насильственные деяния направлены против родителей.

Ценность для настоящего исследования представляют работы отечественных ученых, направленные на изучение вопросов, связанных с уголовной и (или) административной ответственностью за совершение насильственных деяний, в том числе в семейно-бытовой сфере, разрабатывающих понятийный аппарат по данной проблематике.

Методология, методы и материалы исследования

Методологическую основу исследования составил диалектический подход к научному познанию общественных отношений, связанных с совершением ак-

² Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (2011). Стамбул, 11.V.2011. <https://docs.cntd.ru/document/420206767>

тов насилия со стороны детей (подростков) против родителей, методы анализа и обобщения результатов научных исследований, позволившие сформулировать и обосновать выводы. К числу специальных методов, примененных в исследовании, относятся сравнительно-правовой метод и метод исследования нормативных правовых актов. Основными материалами послужили результаты научных исследований российских и зарубежных ученых, нормативные акты и статистические данные.

Описание исследования

Сколько существует человек в цивилизации, столько исходит от него насилие. Среди теорий, объясняющих происхождение государства, особое место занимает теория насилия, основоположниками которой считаются китайский мыслитель и политик Шан Ян (390–338 до н. э.), немецкий философ Карл Евгений Дюринг (1833–1921), австрийский правовед и социолог Людвиг Гумплович (1838–1909) (Гумплович, 1910) и немецкий философ Карл Каутский (1854–1938) (Каутский, 1931). В дальнейшем в изучении этого вопроса ведущая роль оставалась за зарубежными исследователями. Конкретно семейное (домашнее) насилие впервые было признано социальной проблемой в конце XIX в. (Волосова, 2017, с. 311).

За рубежом проблеме насилия детей над родителями как форме домашнего насилия посвящено немало научных работ. Это позволяет сделать вывод, что данная проблема все же получила общественное и научное признание.

Подростковое насилие в отношении родителей было относительно неизвестным явлением, пока американские ученые Н. Т. Харбин и Ди Джей Мэдден (Н. Т. Harbin, D. J. Madden) в 1979 г. не обозначили новую форму насилия – насилие подростков над родителями, назвав его синдромом избитых родителей (Harbin & Madden, 1979). С тех пор это явление стало рассматриваться как вторичное по отношению к другим формам насилия в семье, несмотря на предположения, что оно не имеет социально-экономических границ (это происходит во всех типах семей) и часто оказывает глубокое воздействие на родителей (Moulds et al., p. 548).

Отмечается, что данная проблема нуждается в повышенном внимании и исследовании. «Насилие между детьми и матерями – это область семейного насилия, которой уделялось ограниченное внимание в течение последних лет, но которая является проблемой для многих семей» (Edenborough et al., p. 464).

Ученые допускают, что подобная ограниченность внимания к проблеме стала возможной из-за склонности общества к обвинению матери в допущении насилия со стороны детей (Kennair & Mellor, 2007).

Исследования, проведенные в США, Канаде и Испании, показывают, что распространенность физическо-

го насилия со стороны детей-подростков в отношении родителей находится в районе 5–13 % от общего количества семейного насилия (Calvete, Orue, & Gamez-Guadix, 2013, p. 777).

Барбара Коттрел (Barbara Cottrell) пыталась ответить на вопросы о масштабах насилия несовершеннолетних в отношении родителей и его причинах. По ее мнению, частота явления определяется в 7–18 % случаев от общего количества проявлений семейного насилия (Parent abuse: the abuse of parents by their teenage children, 2001).

Ясминка Злокович (Jasminka Zloković) из университета Риеки (Хорватия) провела исследование, опросив старшеклассников Приморско-Горско-Котарского уезда. В день опроса присутствовали 188 обучающихся (76 % от их общего количества), которые представляли выборку данного исследования. Возраст участников – от 15 до 18 лет; 92 (48,9 %) из них девочки, 96 (51,1 %) – мальчики. Согласно этому исследованию, насильственное поведение в отношении родителей встречается среди подростков от 13 до 17 лет.

Опрос состоял из двух частей. В первой части были собраны демографические данные о родителях и участниках (пол, возраст, братья и сестры, вид работы и образование родителей, материальное положение семьи, структура семьи), а также личные сообщения участников о некоторых аспектах межличностных семейных отношений. Во второй части была разработана шкала из 40 пунктов, которая отражала определенное поведение детей по отношению к своим родителям, что указывало бы на потенциальное существование насилия. Психометрические индикаторы показали необходимость группирования шкал по четырем группам, первая из которых включает детское манипулирование родителями (альфа-коэффициент Кронбаха составил 0,93 %), вторая – склонность к психическому насилию родителей (0,98 %), третья – к материальной эксплуатации родителей (0,95 %) и последняя – к физическому насилию (0,96 %).

Если рассматривать проблему через призму индивидуальных форм в рамках полной выборки, то 31 из 188 (16 %) подростков манипулируют своими родителями.

Психическое насилие как поведение по отношению к родителям встречается у 27 подростков (14 %), материальная эксплуатация – у 18 (10 %) и физическое насилие – у 9 участников (4,8 %) (Zloković, 2021, p. 4–6).

Группой австралийских ученых было проведено исследование, в котором они попытались изучить масштабы данного негативного явления в Австралии. В результате авторы пришли к выводу, что в настоящее время нет общедоступных данных о его распространенности в масштабах всей страны. В этом исследовании использовались данные полиции из четырех австралийских штатов, чтобы задокументировать

показатели распространенности правонарушений, о которых сообщается в полицию, и характеристики подросткового насилия по отношению к родителям в Австралии. От 1 % до 7 % случаев насилия в семье, о которых сообщалось в полицию, приходится на подростковое насилие по отношению к родителям. «Типичный» преступник – молодой человек европеоидной расы 15–17 лет, который обычно проявляет насилие по отношению к своей матери (Moulds et al., 2018, p. 231).

Мэтью Далитц (Matthew Dahlitz) заключает: «Мы сталкиваемся с проблемой низкого уровня признания проблемы подросткового насилия над родителями, усугубляемой социальными нормами и искажением данных в средствах массовой информации, которые приводят к отсутствию последовательной социальной реакции» (Dahlitz, 2015, p. 19).

”

Среди мотивов, которые побуждали подростка на совершение акта насилия в отношении родителей, – не только желание причинить вред и страдания родителям, но и в определенных случаях стремление защитить свое право на владение определенными вещами

“

В числе детерминант подросткового насилия первостепенное значение имеет возрастное развитие: мозг подростка переживает период быстрого роста, во время которого происходит реорганизация или перепрограммирование нейронных сетей. В разгар изменений нейробиологических основ подростки обнаруживают, что у них растет способность к метапознанию и способность применять логику.

Луи Козолино (L. Cozolino) в книге «Неврология человеческих отношений: привязанность и развивающийся социальный мозг» описал, что во время перемен у подростка подвергаются стрессу критические функции: эмоциональная регуляция, контроль импульсов, суждение, моральное обоснование и способность к горизонтальной интеграции (интеграция левого / правого полушария мозга) и вертикальной интеграции (кортикальная / лимбическая интеграция) при интерпретации и реагировании на мир вокруг них (Cozolino, 2014).

Мэтью Далитц пришел к убеждению, что из-за этих изменений подросткам необходимо проходить социальную адаптацию с участием взрослых (обычно родителей), чтобы они приобрели навыки по эффективному регулированию своих эмоций и логичному рассуждению (Dahlitz, 2015, p. 20).

Кроме того, группа ученых из Испании добавляет еще одну причину: дети и подростки воспитываются в культуре потребления, которая достигает своего апогея в подростковом и юношеском возрасте и в которой родители играют роль «провайдеров». В этой культуре насилие со стороны подростков является средством достижения целей, когда родители отказываются продолжать удовлетворять желания своих детей. В соответствии с такими недавними изменениями в стилях воспитания и развития молодежи подростковое насилие связано с неспособностью родителей устанавливать ограничения на поведение своих детей и определять вероятные последствия их поведения (Calvete, Orue, & Gamez-Guadix, 2013).

Сьюзан К. Макки (S. K. Mackey) из Университета Оттавы отмечает, что в случае, когда отсутствует систематическое общение между детьми и взрослыми, особенно если не сформировалась привязанность между ними, то это может вызвать потерю способности детей к эмоциональной саморегуляции, и в дальнейшем способствовать к появлению у детей агрессивного поведения (Mackey, 1996).

В зарубежной научной литературе разрабатывается и некоторый понятийный аппарат. Так, жестокое обращение подростка по отношению к родителям характеризуется как «любое агрессивное действие, совершенное подростком в отношении родителей, которое порождает у них чувство страха, боязни, причиняет им вред здоровью» (Kennair, & Mellor, 2007, p. 204).

Наблюдается рокировка лиц в связи «жертва–преступник»: если в случаях домашнего насилия и жестокого обращения с детьми суд защищает жертву-ребенка, то в случае подросткового насилия в отношении родителей преступником является ребенок, а жертвой – взрослый, и это значительно усложняет осуществление правосудия (Moulds et al., 2016, p. 552).

Латентность рассматриваемого негативного явления усиливает тот фактор, что многие родители не хотят, чтобы их ребенок подвергся уголовному преследованию или был подвергнут административному наказанию.

Таким образом, за рубежом проблема подросткового насилия в отношении родителей (преимущественно матери) приобретает актуальный статус, получает признание в обществе и научной среде, прежде всего, среди специалистов в области психологии и виктимологии. И, как было отмечено выше, зарубежные ученые выделили новую форму домашнего (семейного) насилия – подростковую, при ко-

торой преступником является ребенок, а жертвой – взрослый.

Девиантное поведение детей и подростков входит в сферу научных интересов и российских ученых. Известным исследователем в этой области является А. А. Реан, опубликовавший ряд научных работ. К их числу относится монография «Психология девиантности. Дети. Общество. Закон», в которой рассматриваются помимо прочего вопросы психологии агрессии у детей и подростков, проблемы школьного насилия (буллинга) (Реан, 2020).

Одной из первопричин развития подростковой агрессии является насилие родителей и лиц, их замещающих, над ними. В результате мальчики осознают, что такая модель поведения допустима и что теперь они тоже могут издеваться над окружающими, а девочки свыкаются с установкой насилия над ними, унижением и оскорблением. «Отметим, что из 80 % лиц, испытывающих агрессию на себе, 72 % (почти все) во взрослом возрасте становятся агрессорами» (Аванесов, 2012, с. 92).

Однако широкого признания проблема подросткового насилия над родителями в стране не получила, несмотря на нередкие сообщения в различных неофициальных источниках.

Вот некоторые анонимные обращения на интернет-сайты психологических служб о подростковых случаях насилия с сохранением авторской лексики:

1. «...Сын-подросток 15 лет. Рос беспроблемным: не хулиганил, был коммуникабельным, стремился к знаниям, делился со мной своими интересами. И тут нагрянул переходный возраст... Сын стал хамить, огрызаться, прогуливать школу. Когда пыталась отлучить его от компьютера, мог оттолкнуть меня. Я уже тогда почувствовала этот тревожный звонок, пошли к психологу. И вот 2 дня назад сын снова поднял на меня руку. И уже не просто оттолкнул, пытаясь защитить свой компьютер, а ударил сильно по больной ноге...»³.

2. «Меня вчера ударил сын. Ему 13 лет. Всегда был прилежный, внимательный, добрый. С сентября учился плохо, помогать по хозяйству не хочет, один интерес – компьютер, сотка. Стал меня передразнивать, игнорировать. И вчера я просила помочь, он сел и включил телевизор. Я спокойно попросила пульт, он не дал. Я выхватила пульт и выключила. Сын встал, размахнулся и ударил в лицо кулаком...»⁴.

³ Сын меня ударил. Как теперь жить? (2019). *Форум Дети* https://deti.mail.ru/forum/semeynye_otnoshenija/nepolnaja_semja/syn_menja_udaril_kak_teper_zhit/

⁴ Как вести себя маме, когда ее ударил сын-подросток? (2010). *Информационный портал Все психологи*. <https://www.all-psy.com/konsultacii/otvet/12765/>

⁵ Вопрос экспертам: как реагировать, если ударил собственный ребенок? (2017). <https://letidor.ru/psihologiya/vopros-ekspertam-kak-reagirovat-esli-udaril-sobstvennyy-rebenok.htm>; Подросток во время ссоры кричит и бьет родителей. Что делать взрослым? (2021). *Информационный портал Мел*. <https://mel.fm/deti/podrostki/1427863-podrostok-vo-vremya-ssory-krichit-i-byet-roditeley>-chto-delat-vzroslym; Сын бьет мать. *Юридическая социальная сеть*. https://www.9111.ru/сын_бьет_мать.

Таких случаев в интернете можно найти множество⁵.

Уровень латентности подобного рода фактов весьма высок, прежде всего, это объясняется нежеланием родителей распространять информацию о фактах противоправного поведения собственных детей, обращаться в правоохранительные органы и портить репутацию ребенка, надеясь, что подросток образумится и подобных случаев больше не будет. Однако проблема подросткового насилия над родителями является именно проблемой, нуждающейся в общественном, научном и официальном признании.

Дискуссия

Несмотря на определенные различия в политической, социально-экономической, культурной и иных сфер жизни в разных государствах, следует учитывать, что имеются общие тенденции, оказывающие все большее влияние на состояние семей с детьми. Среди них новые информационно-коммуникационные технологии, на основе которых работают различные устройства (мобильные телефоны, планшеты, игровые компьютеры и приставки и т. п.), которыми широко пользуются как взрослые, так и несовершеннолетние. Если они используются детьми в образовательном процессе и в целом для развития, то данный факт может вызвать положительный отзыв. Но когда родители предлагают детям «поиграть на телефоне или компьютере», чтобы чем-то их занять на долгое время, а самим решать собственные проблемы, то ребенок приобретает зависимость от этих игр. В дальнейшем все усиливающаяся зависимость от данного способа проведения детьми времени неблагоприятно сказывается на их психике.

Наблюдая чрезмерную увлеченность и растущую привязанность детей к игровым средствам, родители начинают осознавать необдуманность своих действий и отбирают их у детей. Однако нередки случаи, когда дети добровольно уже не могут отказаться от обозначенных благ цивилизации. Это часто вызывает конфликт, в ходе которого, как правило, совершаются акты подросткового насилия. Западными авторами было отмечено, что дети и подростки воспитываются в культуре потребления. В качестве рекомендаций можно предложить родителям не идти на поводу у детей и не занимать их гаджетами, а проводить с ними больше времени.

В рамках действующего российского законодательства лица, совершившие насильственные действия физического характера, в зависимости от степени и характера общественной опасности деяний подлежат административной либо уголовной ответственности. Согласно уголовному закону 14-летний подросток будет нести ответственность за умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью (ст. ст. 111, 112 УК РФ). И только с 16 лет – за причинение легкого вреда здоровью либо без такового (ст. 6.1.1 КоАП РФ, ст. ст. 115, 116, 116¹ УК РФ).

Если несовершеннолетний на момент совершения противоправного деяния не достиг указанного возраста, то он не подлежит привлечению к административной и уголовной ответственности. Вместе с тем совершение несовершеннолетним противоправного деяния до достижения возраста ответственности является основанием для постановки его на профилактический учет в органах внутренних дел и последующей с ним работы со стороны сотрудников полиции подразделений по делам несовершеннолетних.

Кроме того, все материалы по данным фактам направляются в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав для проведения с несовершеннолетним профилактической беседы, принятия мер воздействия к подростку.

Следует отметить, что в научной среде продолжается дискуссия о возрасте, при достижении которого лицо должно подлежать ответственности. Так, А. В. Михайлюк возвращается к событиям 2016 г., когда законодатель установил уголовную ответственность за нанесение побоев среди прочих квалифицирующих признаков и как «в отношении близких лиц»⁶, которую через непродолжительное время отменил⁷.

Автор замечает, что, «уделяя в 2016 г. столь значительное внимание уголовной ответственности родителей за нанесение побоев, законодатель «скрыл» несовершеннолетних как субъектов преступления в ст. 116 УК РФ. Не совсем ясным является также его сегодняшнее решение, согласно которому в соответствии со ст. 20 УК РФ несовершеннолетние будут нести ответственность по ст. 116 и 116¹ УК РФ лишь с 16 лет. В связи с этим вполне обоснованным выглядит вопрос: почему так, а не иначе? Ведь налицо явная общественная опасность побоев даже для 14-летнего подростка» (Михайлюк, 2020, с. 58).

Далее А. В. Михайлюк предлагает «сделать более зримым возможное присутствие несовершеннолетних в качестве субъектов преступления, предусмотренно-

го ст. 116 УК РФ. Одновременно предлагаем установить ответственность за преступные посягательства по ст. 116 и 116¹ УК РФ с 14 лет» (Михайлюк, 2020, с. 60).

На поставленный автором вопрос следует ответить, что в случае принятия законодателем его предложений возникнет необходимость рассмотреть вопрос и о снижении возраста административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, с 16 до 14 лет. Если в первом случае снижение нижней границы возраста до 14 лет, скорее всего, не вызовет нарушения концептуальных основ уголовного законодательства, являясь в большей степени частным случаем, то подобные изменения в КоАП РФ будут носить более принципиальный характер и могут вызвать бурные дискуссии. Думается, что в целом общество и государство не готовы к общему снижению возраста административной ответственности.

Определенный научный интерес вызывает степень разработанности терминологии по рассматриваемой тематике. Термины «домашнее насилие» или «семейное насилие», которые используются в российской научной среде, не получили законодательного определения. Г. В. Чеботарева справедливо отмечает, что «в отечественном праве отсутствует понятие “домашнее насилие”, а фраза “насилие в семье” фигурирует только в Федеральном законе “Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации”, но без определения сущности данного термина» (Чеботарева, 2022, с. 183).

Рассмотрев ряд предлагаемых российскими учеными определений понятия «домашнее насилие», Г. В. Чеботарева обобщает их и дает общее определение домашнего насилия: «Это все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в семье или в быту между бывшими или нынешними супругами или партнерами. Домашнее насилие – это модель поведения, используемая одним человеком для контроля или доминирования над другим, с которым у него есть или были интимные или семейные отношения» (Чеботарева, 2022, с. 183).

Однако для более ясного понимания феномена домашнего насилия, разработки определения этого негативного явления следует рассматривать не только проработанные учеными его структурные элементы, но и те, которые еще в Российской Федерации не получили соответствующей проработки по той причине, что не все подвиды домашних (семейных) отношений выделяются, принимаются и учитываются. Если о насилии в школах как со стороны учителей в отношении

⁶ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». <http://ivo.garant.ru/#/document/71435376/paragraph/1:1>.

⁷ Федеральный закон от 7 февраля 2017 № 8-ФЗ «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212385/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009.

учеников, так и со стороны старших школьников в отношении младших и, наоборот, учеников в отношении учителей в Российской Федерации проводились научные исследования⁸, то далеко не всеми российскими учеными воспринимается такая форма домашнего насилия, как насилие, осуществляемое детьми (подростками) над родителями (матерью), а также старшими детьми (подростками) в семье над младшими. Обе эти формы насилия в семье учеными за рубежом активно исследуются. Степень изученности проблемы насилия старших детей над младшими лишь немного ниже, чем первой формы, что прослеживалось при изучении вышеназванных зарубежных научных материалов. В качестве примера можно привести случай, когда 18-летний сын отселился от родителей, проживает отдельно, но пристрастился к наркотикам, появляется в доме родителей в наркотическом опьянении в их отсутствие и совершает акты насилия в отношении младших брата или сестры. Происходят ли такие случаи в обыденной жизни? Думается, что да.

Однако вернемся к рассматриваемому вопросу. Особенность этих форм заключается не только в субъектах-агрессорах (несовершеннолетние), но и в мотивационной составляющей как части субъективной стороны правонарушения. Наличие мотива как структурного элемента субъективной стороны состава правонарушения указывает, что лицо, совершившее акт домашнего насилия, действовало умышленно. Например, мотивом причинения побоев, как правило, называется личная неприязнь, что подтверждается судебной практикой⁹.

Изучив приговоры судов о насилии родителей над детьми, Е. И. Думанская пришла к выводу о том, что большинство побоев причиняется по мотивам личной неприязни. Автор пишет, что «традиционно истоки неприязни коренятся в социальном чувстве “я” и базируются на чувстве обиды. Причиной личной неприязни может быть неприятное воспоминание, разные взгляды на мир и т. д.» (Думанская, 2021, с. 107–108).

Следует добавить, что у подростков одним из движущих мотивов может стать желание беспрепят-

ственно и безгранично проводить время за игровыми гаджетами отстоять свое «право» на времяпрепровождение с понравившейся и ставшей необходимой технологической игрушкой, а к родителям, лишаящим их этих средств, у подростков возникает личная неприязнь. В эту гипотезу вполне вписываются и случаи, описанные на различных интернет-сайтах¹⁰.

С учетом изложенного в определенной степени может измениться и формулировка понятия «домашнее насилие», под которым следует понимать все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в семье между бывшими или нынешними супругами или партнерами, между детьми и родителями, между старшими и младшими детьми, основанные на мотиве личной неприязни в целях удовлетворения своих личностных потребностей в ущерб другой стороне и себе.

Стоит оговориться, что причинами семейных конфликтов между родителями и детьми являются не только факты злоупотребления подростками игровым временем с гаджетами, но и другие причины. В большинстве случаев акты семейного насилия происходят между взрослыми людьми. «Семейное насилие оказывает негативное воздействие на несовершеннолетних детей, и последствием причинения физической боли в различных формах могут стать отклонения в психическом здоровье, расстройства, которые повлекут отклонения в развитии, суицидальные проявления и склонность к противоправному поведению» (Полякова, 2019, с. 181–182).

Однако роль рассматриваемых негативных явлений как причин семейных конфликтов на современном этапе все возрастает.

Кроме того, аналогично следует скорректировать понятие семейно-бытового правонарушения. Так, представленная Е. В. Герасимовой и Д. А. Боевой авторская формулировка («семейно-бытовое правонарушение – это противоправное деяние, совершенное на почве длительно существующих неприязненных взаимоотношений между членами семьи, которое характеризуется стремлением одного из них удовлетворить

⁸ Грибанов, Е. В., Иванченко, Р. Б., Кравцова, Ю. А., Кушнарев, М. А., Польшиков, А. В., Соловьев, В. С. (2014). Школьное насилие в Воронежской области: масштабы, детерминанты, предупреждение. В *Насилие в школе: состояние, причины, предупреждение (по материалам Воронежской области): учебное пособие* (стр. 13–71). Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

⁹ Приговор № 1-28/2022 от 14 февраля 2022 г. по делу № 1-28/2022 Шарыповского районного суда Красноярского края. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EypCY0z8SlQ4> и другие решения на сайте [sudact.ru](https://sudact.ru/practice/poboi).

¹⁰ Попова в Сеть. Подростки конфликтуют с родителями из-за Интернета. (2014). *Аргументы и факты*. <https://spb.aif.ru/society/people/1150933>; Вред гаджетов: почему у детей возникает компьютерная зависимость. (2017). *Вестник Психологии*. <https://psychologyjournal.ru/public/vred-gadzheto/>; Ребенок не хочет учиться, все время сидит в телефоне. Как поговорить с ним и не поссориться? (2022). *Информационный портал Мел*. <https://mel.fm/vospitaniye/eksperty/1284507-syn-vse-vremya-traitit-na-igru-i-rugayetsya-iz-za-urokov-kak-privit-emu-interes-k-uchebe>; Родители vs. Гаджеты: бой продолжается? (2016). *Отношения с ребенком*. <https://otnosheniyasrebenkom.com/bitva-s-gadzhetaми-v-rukax/>.

свои личностные потребности в ущерб другой стороне, и способное причинить физические, моральные и материальные страдания», для закрепления его в примечании к ст. 6.1.1 КоАП РФ нуждается в некоторой поправке (Герасимова, Боева, 2022, с. 285).

Вред (ущерб), как это ни странно звучит, причиняется обеим сторонам конфликта: агрессор, осуществляющий акт насилия, находится в психически раздраженном состоянии, гневе, злости, ярости, ненависти и т. п., что влияет на состояние его здоровья.

Но дело даже не в этом, а в том, что подросток движим мотивом вернуть себе возможность снова погрузиться в интернет-пространство, длительное пребывание в котором причиняет вред его психическому здоровью. Так, Всемирная организация здравоохранения рекомендует, что сидячее экранное время для детей в возрасте 3–4 года должно составлять не более 1 часа в течение дня; чем меньше, тем лучше¹¹.

Вот одна из экспертных оценок влияния современных гаджетов на развитие подростков: «У детей формируется такой паттерн мышления, что если перед тобой оказалась сложная задача и ее не хочется решать, можно просто переключиться на что-то другое. Или, например, надо сделать домашнее задание – написать эссе или сочинение, но ты пропустил последнее занятие и не знаешь, что и как надо делать, и поэтому просто находишь готовое сочинение, меняешь в нем какие-то слова, запятые – и все. Таким образом, подростки избегают ситуации, когда им тяжело и нужно преодолевать трудности. Полагаем, на этом отчасти основываются продажи современных экранных игровых устройств: они становятся все удобнее, все комфортнее, все меньше. Не нужно запоминать номера телефонов: они все записаны. Не нужно помнить пароль: телефон разблокируется по отпечатку пальца. Все это нацелено на то, чтобы человек, который пользуется данным продуктом, испытывал все меньше напряжения и раздражения от его использования, и у него формировалась все более сильная привычка, привязанность к этой технике»¹².

Очевидно, что чрезмерное пользование новыми техническими средствами наносит вред развитию подростка. Поэтому при конфликте с родителями подростками движет мотив вернуть себе эту вещь, и они осознанно причиняют вред родителям (матери) и, не задумываясь, причиняют вред и себе. Данная особенность подросткового насилия может служить вторым особым признаком этой формы домашнего (семейного) насилия.

Исходя из этого, в понятие «семейно-бытовое правонарушение», представленное Е. В. Герасимовой

и Д. А. Боевой, следует внести следующую коррективу: «Семейно-бытовое правонарушение – это противоправное деяние, совершенное на почве длительно существующих неприязненных взаимоотношений между членами семьи, которое характеризуется стремлением одного из них удовлетворить свои личностные потребности в ущерб другой стороне и (или) себе (добавлено автором), и способное причинить физические, моральные и материальные страдания».

Заключение

Проведенное исследование позволяет не только выделить подростковое насилие над родителями как отдельную форму домашнего насилия (5–13 % от общего количества семейного насилия), но определить его особые признаки:

1) субъектный признак (в случае подросткового насилия в отношении родителей преступником является ребенок, а жертвой – взрослый). По мнению Г. А. Аванесова, «агрессивной может быть только активная личность. Пассивная личность не может выполнять роль агрессора» (Аванесов, 2012, с. 91). В данном случае произошла смена статуса лица с пассивного (беззащитного ребенка) на активный (активный подросток);

2) среди мотивов, которые побуждали подростка на совершение акта насилия в отношении родителей, – не только желание причинить вред и страдания родителям, но и в определенных случаях стремление защитить свое право на владение определенными вещами. Соглашаясь с мнением А. И. Плотникова о том, что «мотив есть нормативно-ценностное отношение человека к тем или иным ситуациям, выражающее жизненную, социальную позицию человека и характеризующиеся обобщенными понятиями (корысть и т.п.)» (Плотников, 2011, с. 119), следует добавить, что он «играет ведущую роль в оценке действий и поступков, так как от них зависит, какой субъективный смысл имеет действие для данного человека» (Аванесов, 2012, с. 162).

Кроме того, признанная форма домашнего насилия и другие рассмотренные вопросы транспонируют постановку вопроса и о трактовке объекта домашнего насилия. Так, в случае причинения побоев как наиболее часто совершаемого вида административных правонарушений (ст. 6.1.1 КоАП РФ) есть мнение, что в научной традиции «понимание объекта противоправных посягательств лишь на здоровье следует признать узким, нуждающимся в расширительном толковании, так как лицо, умышленно наносящее побои, таким образом, посягает на личную неприкосновенность и челове-

¹¹ Рекомендации по физической активности, малоподвижному образу жизни и сну для детей в возрасте до 5 лет. (2019). В *Всемирная организация здравоохранения* (стр. 8). <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311664/9789241550536-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

¹² Хломов, К. (2017). Как гаджеты влияют на подростков. *ПостНаука*. <https://postnauka.ru/faq/82079>

ческое достоинство, а не только собственно на здоровье потерпевшего» (Шурухнова, Капкова, 2019, с. 322), но требует расширение границ основного объекта.

Объектом государственно-правовой защиты и других производных от нее видов защиты (уголовно-правовой, административно-правовой) следует признать права женщин и детей не только от агрессии мужчин,

но и от агрессии других лиц, в том числе подростков (старших детей), совершающих насилие в отношении родителей и младших братьев и сестер. Личная неприкосновенность и человеческое достоинство наравне с правом на здоровье являются структурными элементами основного (непосредственного) объекта семейно-бытового правонарушения.

Список литературы

- Аванесов, Г. А. (2012). *10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии*: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.
- Волосова, Н. Ю. (2017). Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера. *Вопросы российского и международного права*, 7 (3А), 310–319.
- Герасимова, Е. В., Боева, Д. А. (2022). Правонарушения в семейно-бытовой сфере: характеристика отдельных составов и проблемы правоприменения. *Вестник Воронежского института МВД России*, 3, 281–287. EDN GHWITJ.
- Гумплович, Л. (1910). *Общее учение о государстве* (пер. со 2-го нем. изд. со вступ. очерком, примеч. и доп. ст. Ив. Н. Неровецкого). Санкт-Петербург: Тип. Т-ва «Обществ. польза». <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/81953-gumplovich-l-obschee-uchenie-o-gosudarstve-spb-1910>
- Дашиева, Ж. Д. (2019). Насильственная преступность несовершеннолетних в криминологическом аспекте. *Новый юридический вестник*, 1 (8), 48–51.
- Думанская, Е. И. (2021). Установление мотивов как условие для выработки мер профилактики домашнего насилия. *Вестник Югорского государственного университета*, 2 (61), 106–111. <https://doi.org/10.17816/byusu202102106-111>
- Каутский, К. (1931). *Материалистическое понимание истории* (пер. с нем. Е. А. Преображенского). Москва; Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во.
- Куликов, Н. И. (1996). *Криминологическая характеристика и предупреждение органами внутренних дел преступлений, совершаемых несовершеннолетними с проявлением жестокости*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва.
- Михайлюк, А. В. (2020). Побои в отношении близких лиц: проблемы квалификации. *Национальная Ассоциация Ученых*, 51-1(51), 57–60.
- Плотников, А. И. (2011). *Объективное и субъективное в преступлении*: монография. Москва: Проспект.
- Полякова, Н. В. (2019). Особенности применения ст. 6.1.1 КоАП РФ в отношении несовершеннолетних и с их участием. *Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия*, 1 (3), 181–186. EDN ВСIEKG.
- Реан, А. А. (ред.) (2020). *Психология девиантности. Дети. Общество. Закон*: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА.
- Чеботарева, Г. В. (2022). Административно-правовые аспекты противодействия насилию в семье. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*, 8 (3), 181–191.
- Шурухнова Д. Н., Капкова М. А. (2019). К вопросу об объекте состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ «Побои». В Л. В. Павлова (ред.), *Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран*: сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Рязань, 25 апреля 2019 г., стр. 320–323). Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
- Calvete, E., Orue, I., & Gamez-Guadix, M. (2013). Child-to-parent violence: Emotional and behavioral predictors. *Journal of Interpersonal Violence*, 28 (4), 755–772. <https://doi.org/10.1177/0886260512455869>
- Cozolino, L. (2014). *The neuroscience of human relationships: Attachment and the social brain* (2nd ed.). New York, NY: W. W. Norton & Co.
- Dahlitz, M. A. (2015). Theoretical Commentary of Parent Abuse and Intersibling Violence From Both Neurobiological and Social Perspectives. *The Neuropsychologist*, 18–27. https://www.researchgate.net/publication/275346686_A_Theoretical_Commentary_of_Parent_Abuse_and_Intersibling_Violence_From_Both_Neurobiological_and_Social_Perspectives
- Edenborough, M., Jackson, D., Mannix, J., & Wilkes, L. M. (2008). Living in the red zone: The experience of child-to-mother violence. *Child & Family Social Work*, 13 (4), 464–473. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2206.2008.00576.x>
- Harbin, H. T., & Madden, D. J. (1979). Bettered parents: a new syndrome. *American Journal of Psychiatry*, 136 (10), 1288–1291. <https://doi.org/10.1176/ajp.136.10.1288>

- Kennair, N., & Mellor, D. (2007). Parent abuse: A review. *Child Psychiatry and Human Development*, 38, 203–219. <https://doi.org/10.1007/s10578-007-0061-x>
- Mackey, S. K. (1996). Nurturance: A neglected dimension in family therapy with adolescents. *Journal of Marital and Family Therapy*, 22 (4), 489–508. <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.1996.tb00223.x>.
- Moulds, L., Day, A., Mildred, H., Miller, P., & Casey, Sh. (2016). Adolescent Violence Towards Parents – The Known and Unknowns. *Australian and New Zealand Journal of Family Therapy*, 37, 547–557. <https://doi.org/10.1002/anzf.1189>
- Moulds, L., Day, A., Mayshak, R., Mildred, H., & Miller, P. (2018). Adolescent violence towards parents —Prevalence and characteristics using Australian Police Data. *Journal of Criminology*, 52 (2), 231–249. <https://doi.org/10.1177/0004865818781206>
- Parent abuse: the abuse of parents by their teenage children* (2001). Prep by Barbara Cottrell for the Family violence prevention unit, Health Canada. Ottawa, Cop.
- Zloković, J. (2021). *Violence of minors against parents -family and social problem*. https://www.researchgate.net/publication/350514030_VIOLENCE_OF_MINORS_AGAINST_PARENTS_-FAMILY_AND_SOCIAL_PROBLEM

References

- Avanesov, G. A. (2012). *10 glav o motivaciji i motivah. Cherez prizmu nauki kriminologiji: monografiya*. Moscow: YUNITI-DANA: Zakon i pravo.
- Volosova, N. Yu. (2017). Semejnoe (domashnee) nasilie kak problema mezhdisciplinarnogo haraktera. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*, 7 (3A), 310–319.
- Gerasimova, E. V., Boeva, D. A. (2022). Pravonarusheniya v semejno-bytovoj sfere: harakteristika otdel'nyh sostavov i problemy pravoprimeneniya. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 3, 281–287. EDN GHWITJ.
- Gumplovich, L. (1910). *Obshchee uchenie o gosudarstve* (per. so 2-go nem. izd. so vstup. ocherkom, primech. i dop. st. Iv. N. Neroveckogo). Saint Petersburg: Tip. T-va "Obshchestv. pol'za". <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/81953-gumplovich-l-obshee-uchenie-o-gosudarstve-spb-1910>
- Dashieva, Zh. D. (2019). Nasilstvennaya prestupnost' nesovershennoletnih v kriminologicheskom aspekte. *Novyy yuridicheskij vestnik*, 1 (8), 48–51.
- Dumanskaya, E. I. (2021). Ustanovlenie motivov kak uslovie dlya vyrabotki mer profilaktiki domashnego nasiliya. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (61), 106–111. <https://doi.org/10.17816/byusu202102106-111>
- Kautskij, K. (1931). *Materialisticheskoe ponimanie istorii* (per. s nem. E. A. Preobrazhenskogo). Moscow; Leningrad: Gos. soc.-ekon. izd-vo.
- Kulikov, N. I. (1996). *Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie organami vnutrennih del prestuplenij, sovershaemyh nesovershennoletnimi s proyavleniem zhestokosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk*. Moscow.
- Mihajlyuk, A. V. (2020). Poboii v otnoshenii blizkikh lic: problemy kvalifikacii. *Nacional'naya Associaciya Uchenyh*, 51-1(51), 57–60.
- Plotnikov, A. I. (2011). *Ob'ektivnoe i sub'ektivnoe v prestuplenii: monografiya*. Moscow: Prospekt.
- Polyakova, N. V. (2019). Osobennosti primeneniya st. 6.1.1 KoAP RF v otnoshenii nesovershennoletnih i s ih uchastiem. *Policiya i obshchestvo: problemy i perspektivy vzaimodejstviya*, 1 (3), 181–186. EDN BCIEKG.
- Rean, A. A. (red.) (2020). *Psihologiya deviantnosti. Deti. Obshchestvo. Zakon: monografiya*. Moscow: YUNITI-DANA.
- Chebotareva, G. V. (2022). Administrativno-pravovye aspekty protivodejstviya nasiliyu v sem'e. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. *Yuridicheskie nauki*, 8 (3), 181–191.
- Shuruhnova D. N., Kapkova M. A. (2019). K voprosu ob ob'ekte sostava administrativnogo pravonarusheniya, predusmotrennogo stat'ej 6.1.1 KoAP RF «Poboii». V L. V. Pavlova (red.), *Administrativnaya deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stran: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Ryazan', 25 aprelya 2019 g., str. 320–323). Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy.
- Calvete, E., Orue, I., & Gamez-Guadix, M. (2013). Child-to-parent violence: Emotional and behavioral predictors. *Journal of Interpersonal Violence*, 28 (4), 755–772. <https://doi.org/10.1177/0886260512455869>
- Cozolino, L. (2014). *The neuroscience of human relationships: Attachment and the social brain* (2nd ed.). New York, NY: W. W. Norton & Co.
- Dahlitz, M. A. (2015). Theoretical Commentary of Parent Abuse and Intersibling Violence From Both Neurobiological and Social Perspectives. *The Neuropsychotherapist*, 18–27. https://www.researchgate.net/publication/275346686_A_Theoretical_Commentary_of_Parent_Abuse_and_Intersibling_Violence_From_Both_Neurobiological_and_Social_Perspectives
- Edenborough, M., Jackson, D., Mannix, J., & Wilkes, L. M. (2008). Living in the red zone: The experience of child-to-mother violence. *Child & Family Social Work*, 13 (4), 464–473. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2206.2008.00576.x>

- Harbin, H. T., & Madden, D. J. (1979). Bettered parents: a new syndrome. *American Journal of Psychiatry*, 136 (10), 1288–1291. <https://doi.org/10.1176/ajp.136.10.1288>
- Kennair, N., & Mellor, D. (2007). Parent abuse: A review. *Child Psychiatry and Human Development*, 38, 203–219. <https://doi.org/10.1007/s10578-007-0061-x>
- Mackey, S. K. (1996). Nurturance: A neglected dimension in family therapy with adolescents. *Journal of Marital and Family Therapy*, 22 (4), 489–508. <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.1996.tb00223.x>
- Moulds, L., Day, A., Mildred, H., Miller, P., & Casey, Sh. (2016). Adolescent Violence Towards Parents – The Known and Unknowns. *Australian and New Zealand Journal of Family Therapy*, 37, 547–557. <https://doi.org/10.1002/anzf.1189>
- Moulds, L., Day, A., Mayshak, R., Mildred, H., & Miller, P. (2018). Adolescent violence towards parents —Prevalence and characteristics using Australian Police Data. *Journal of Criminology*, 52 (2), 231–249. <https://doi.org/10.1177/0004865818781206>
- Parent abuse: the abuse of parents by their teenage children* (2001). Prep by Barbara Cottrell for the Family violence prevention unit, Health Canada. Ottawa, Cop.
- Zloković, J. (2021). *Violence of minors against parents -family and social problem*. https://www.researchgate.net/publication/350514030_VIOLENCE_OF_MINORS_AGAINST_PARENTS_-FAMILY_AND_SOCIAL_PROBLEM

Информация об авторе:

Александр Викторович Равнюшкин – заместитель начальника кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 20.04.2023

Одобрена после рецензирования 25.05.2023

Опубликована 28.07.2023

About the author:

Aleksandr V. Ravnyushkin – Deputy Head of the Department of Administrative Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Cand. Sci. (Jurid.), Docent.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted April 20, 2023

Approved after reviewing May 25, 2023

Accepted July 28, 2023